

Дычко Галина Антоновна (ур. Сатюкова)

1940 г. р., жительница г. Новосибирска; уроженка спецгородка г. Томска

Воспоминания. Июль 2015 г. Машинопись, 2 стр.

Мои родители и дедушка с бабушкой были репрессированы в 1931 г.: Сатюков Антон Иванович и Таисия Дмитриевна, Иван Антонович и Анастасия Петровна. В 1929 г. родилась сестра Валентина, вместе с родителями отправлена в ссылку. В 1933 г. в ссылке Нарымского края родилась сестра Надежда, я родилась в Томске в спец городке (район психиатрической больницы). В 1949 году мы с сестрой были сняты с учета комендатуры.

Жили мы в селе Падерино Тюменского области. Мама, урожденная Сарангина, была из зажиточной семьи, поэтому наша семья попала под раскулачивание. Нам она никогда ничего нам не рассказывала, видно, боялась за нас. Только слов нашей тётки (по отцу) знаю, что семья занималась коневодством, разводили племенных лошадей. Соответственно того времени, хозяйство было механизировано, т.е. сеялки, веялки, молотилки, имелся весь сельскохозяйственный инвентарь, большой дом (потом его отдали под сельский совет), в селе родители пользовались уважением. Трудно вести хозяйство стало во времена, когда советская власть сначала ввела продразверстку, а потом продналог. Прежде, чем раскулачить начали семью облагать большими налогами. Уплатили первый налог, затем второй, третий и вот уже нечем платить, понимая, что хозяйство все равно будет разорено, родителям пришлось бросить все и переехать в Тюмень. Но их и там достала власть. Тогда они уехали в Новосибирскую область Черепановский район. А, вскоре за ними приехал «черный воронок». Всю семью отправили в 1931 г. в Нарымский край. В этот год умерла наша Валя, которой от роду не было полных двух лет, а в 1933 –м умер дедушка. Мама рассказывала, что жили в бараках, отделяя свой угол ситцевой занавеской. В это время была эпидемия тифа, мама рассказывала, что каждое утро из барака выносили мертвецов. Вскоре заболела и она, её положили в больницу и она выжила. Там, в Нарымском крае, родилась сестра Надежда. Папа умер совсем молодым, в 1940 –м ему было всего 35 лет. Видимо, от непосильной работы надорвался и с ним случился приступ аппендицита на работе. Мы уже жили в Томске. Его увезли в больницу, но диагноз не подтвердился, ему ввели дополнительно наркоз и он умер на операционном столе. Мама, провожая его на работу, на руках держала меня, 6-тимесячную, а вскоре его тело привезли домой. Анастасия Петровна (бабушка) болела, уже не ходила и в 44-м году умерла. Мама осталась одна с двумя девочками на руках. Еще, будучи на лесоповале, мама повредила руку, операцию ей сделали неудачно и выполнять тяжелые работы уже не могла. В Томске жили в спец городке в районе психиатрической больницы. В окошко видели, как во дворе, ходили голые буйно помешанные и жевали траву, нам было очень страшно. Помню коменданта, который жил на втором этаже в деревянном общежитии, мы ходили к нему каждую неделю отмечались, что мы здесь, никуда не сбежали, не умерли. Стоял стол с зеленым сукном, портрет Сталина на стене, мне было 5-6 лет, и я с мамой ходила. Сильно радовалась, когда в 47 году пошла в школу. В нашем спец городке открылась начальная школа №11. Учительница Анна Ильинична Русакова, приходила к нам из города. В классе стояла

печка «буржуйка», и все равно было холодно, чернила застывали. Старшая сестра Надя ходила в семилетнюю школу №21, которая находилась на психбольнице. После школы она поступила в политехнический техникум. После его окончания по распределению её направили в Тюмень. Потом мы с мамой туда уехали. А ехать нам было некуда, мы остановились у бабушки (маминой мамы), конечно, там своя семья была, но ничего выжили. Я закончила там 10 классов и уехала в Новосибирск, к мамину брату. Поступила в авиационный техникум, в 1957 году окончила, получив образование, вышла замуж, родились дети. Всю жизнь проработала на одном месте, как после техникума пришла, так с него на пенсию и ушла, это НИИАП г. Новосибирска (Научно-исследовательский институт автоматических приборов). Ковала военный щит Родины.

И опять воспоминания о Томске. После смерти папы жить нам было очень трудно. Но когда маму устроили на работу в детские ясли, я до 6 лет там находилась. А последний год перед школой, я частенько сидела в комнате одна с кошкой, потом заходила на кухню и долго ждала, а вдруг что-нибудь мне дадут поесть, но никто ничего не давал, самим мало было. Помню, как привезли депортированных прибалтов. Больные дети, измученные долгой дорогой, все в коростах покорно лежали на тележке. Молдаване, прибалты, немцы, калмыки все жили вместе, рядом. Только почему-то калмыки не обучались в школе. В 46-м с запада привезли украинцев, они были ухоженные, выглядели лучше, чем литовцы. Девочка рассказывала, что там, на родине, они жили хорошо. А здесь все жили одинаково бедно и голодно. В классе были дети разных национальностей. Обрывочные детские воспоминания, о подростковой женской колонии, где жестоко избивали сбежавшую воспитанницу. Мы с ребятами бегали на речку Киргизку купаться.

Жили мы на первом этаже в бараке, поэтому в подполе картошка замерзала. Мы с сестрой достанем её, она оттаит, разомнем ее, сестра сгоняет меня на психбольницу за рыбьим жиром, а потом нажарим и едим. Тогда это было очень вкусно. Прямо за нашей школой на бугре началось строительство какого – то объекта, территорию в три ряда огородили колючей проволокой, строили этот объект, видимо пленные немцы. Помню, как у нас украли хлебные карточки, а отменили их в 47-м, как жили без хлеба, а украла молодая женщина, наша соседка. Её муж бил потом за это. А мы всё обыскали дома, но карточки нигде не нашли. Не помню, но как-то выжили. В спецгородке был маленький магазин продуктовый. На полках стояли в железных банках крабы, рыбные консервы, а на стене над полками висели портреты всех военачальников...

Примечание составителя СР. Кереджи.

После нашей встречи с Г.А. Дычко в музее «Следственная тюрьма НКВД» летом 2015 года, она посетила район бывшего спец городка, в котором прошло её детство. В письме сообщила, что «все на месте: школы №21 и № 11 сохранили свои номера, только, только здания новые; одноколейная железная дорога, речка Киргизка и мостик через нее к Психбольнице, колония, АРЗ, водонапорная башня. Мы глазам своим не поверили...».